

Берберова Н. Семейство Павла Егоровича. Чеховская семья // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1939. 1 октября. № 9735. С. 2, 7.

Семейство Павла Егоровича

Чеховская семья

Н. БЕРБЕРОВА

Он был торговцем по званию и происходил из крепостных. Его отец Егор Михайлович, был мужиком помещиков Чертковых — дела и бабки известного последователя Льва Толстого. Егор Михайлович задолго до освобождения крестьян выкупился от своего барина, и выкупил жену, а на дочь у него не хватило денег. Помещик Чертков отдал ее в приданое даром, и таким образом семья стала свободной.

В «Ольховатке» имени Чертовых в Воронежской губернии, Егора Михайловича еще звали «Чех», но в Таганроге, куда переехала семья и где Егор Михайлович поступил в управляющие к графу Платову, он сделался Чеховым. Сына своего, Павла, он отдал в учение к таганрогскому купцу Байдакову, а когда он вошел в возраст — помог открыть ему уже самостоятельно колониальный магазин.

Павел Егорович был записан в купеческое сословие. Он женился, у него пошли дети. В лавке было уже два приказчика. Однако характер его оказался несчастливый: больше, чем к коммерции, он был привержен к церковному пению. Не то лень его, не то легкомыслие не давали создать благополучие. Однажды, когда лавку описали за долги, семья Павла Егоровича, — он сам, жена его, четыре сына и дочка — выехали спешно в Москву, без гроша денег. Пятый сын, Антон Павлович Чехов, остался в Таганроге один — доучиваться в гимназии. Его попросту «забыли».

В чем был грех Павла Егоровича? Прежде всего в его благоглупости. Лавку он открывал потому, что нельзя было не открывать, но торговать в ней не любил и норовил уйти из нее с утра — в церковь, к приятелям или просто на прогулку. Третью гильдию выплачивал он по настоянию матери: чтобы сыновей не забрали в рекруты; если бы не это, не заботился бы о них. С женой он был своенравен и грубоват, а разорение свое пережил весьма равнодушно, и только в Москве, очутившись на пути к голодной смерти, опомнился и озлобился.

Мать его детей, Евгения Яковлевна, была кроткой, замечательной женщиной. Первые роды застали ее под открытым небом, когда она спасалась из Таганрога от обстреливавших город англичан, во время Севастопольской кампании. Рожала она шесть раз, на всех готовила, стирала и шила. В Москве, где в три года пришлось переменить 12 квартир, много плакала. Очень скоро она поняла, что муж ее не способен ни к какому труду, и стала рассчитывать на одних сыновей.

Старшие уже зарабатывали в то время: Александр давал уроки и учился в университете, второй, Николай, готовился быть художником, а пока рисовал в мелких журналах карикатуры. Эти двое юношей и поддерживали семью. В Таганроге оставшийся Антон продавал, что мог, из описанного за долги дома, унося под полдой то керосиновую лампу, то книжку, то наволочку. Самый маленький, одиннадцатилетний Мишка, бегал по Москве и сам себя пристраивал в гимназию — до него никому не было дела.

Обо всей этой жизни в подробностях писал старший брат оставшемуся «забытому» Антону в Таганрог.

«Наши дела весьма плохи, ибо мы не поворотливы. Свои деньги мы все прожили, заняли 10 рублей и те просадили и теперь плачем. Что хуже всего — потеряли всякую надежду получить место. Ходим каждый день в церковь и непременно, как экс-коммерческий человек, в биржу, и слушаем толки о сербской войне, и по обыкновению приходим домой ни с чем, за что нас встречают со слезами радости, после чего мы разоблачаемся, вынимаем из кармана печатное поучение, купленное в церкви у церковного старосты, и начинаем читать вслух. По окончании чтения, проповедь вешается на гвоздик, с обозначением на ней номера и числа».

Александр жил отдельно, пока мать его не настояла, что-

бы он переехал в родительский дом. В двух комнатах помещалось семейство из пяти человек, и при нем — собака, спавшая с младшим, Мишей, на полотах. Керосин же не полагалось. Николаю упрекали за его роскошный образ жизни (на самом деле, он был так же нищ, как и его старший брат, едва не исключенный из университета за невнесение платы): вечером в тесную квартиру являлись какие-то подозрительные родственники, приносящие с собой «бутылки». Осуждение их происходило степенно и благоговейно. Потом пели все «Достойно есть» и «Лугинушку». Потом плакали над своей бедной жизнью.

Особенно утешала мать и отца мысль, что Александр и Николай могут жениться и перестанут помогать семье. Однажды старший сын был даже нарочно для переговоров на эту тему вызван с урока. Он вошел через кухню, уже подготовленный сестрой к предстоящему разговору. «Маменька была в кухне и вся в саже, а тятенька благолепно сидел в «зале» и починял шубу». После семейного разговора, на котором сын обещал не жениться как можно дольше, выяснилось, что отец «больше работать вообще не может. Когда его спросили, почему, он ответил: цитатой из Евангелия: воззрите на птицы небесныя»...

Но место Павлу Егоровичу все-таки нашлось. Его поместили в управу и заставили

писать бумаги. «Дадут мне бумагу, — рассказывал он потом сам, — а я не знаю, как ее сочинить; скажут мне, — а пока дойду до своего места — и забуду». Места он лишился очень скоро и опять все вошло в прежнюю колею.

Он расклеивал расписания для всех членов семьи — взрослых и маленьких, требуя, чтобы все подчинялось ему. «Расписание делов и домашних обязанностей для выполнения по хозяйству семейства Павла Чехова, живущего в Москве». В этом расписании говорилось, когда кому вставать, когда обедать, когда ходить в церковь и какими делами заниматься в свободное время. К расписанию было приложено и примечание: «Неисполняющие сие расписание подвергаются сначала строгому выговору, а затем наказанию, при коем кричать воспрещается». От Евгения Яковлевны до маленького Миши — все терпели и все слушались.

«Мать с каждым днем гаснет, как свечка, — писал Александр Антону в Таганрог. — Нет ли у тебя чего-нибудь продать? Пала становится очень плох и вообще наклонен к параличу. С ним часто делается головокружение, так что его подерживают, чтобы он не упал».

Но это была напрасная тревога: Павел Егорович был крепок и вынослив, и умирать вовсе не собирался.

Из страшной нищеты вывели семью три старших брата. Антон Павлович появился в Москве, когда окончил гимназию

и поступил в университет. Александр в это время уже завязал кое-какие связи в «Будильнике» и других юмористических журналах, там же сотрудничал и Николай. Все трое впряглись в работу, чтобы дать возможность жить отцу и матери, чтобы дать возможность кончить образование трем младшим детям. Павел Егорович из тирана и ханжи превратился в старика, обиженного жизнью. Он стал подозревать, что дети обманывают его, но довольно любил и мало уважал.

Время от времени он устраивал одному из старших «добытчиков» сцену: плакал, уверял, что «все давно понял», умолял «выйти на дорогу» и не водиться с дурными людьми. «Фатер», как звали его братья за глаза, докучал им, но постепенно, превращаясь во взрослых людей, все трое начали проникаться к нему жалостью. Его жалость и лень их стали веселить. «Кроме денег нужны еще и финансы», — говорил он, а они несли этот афоризм в «Будильник». Когда женился Александр, Павел Егорович стал усердно наставлять его, а когда у него пошли дети, то «дедушка» требовал к себе особого почтения и вмешивался в воспитание внуков.

Он любил лук в супе и прежде чем обносил гостей мясной, он вылавливал из нее луконьки. Было что-то детское в том, как он любил путешествия по железной дороге. С а м ы й лучший, самый сладкий кусок должен был всегда доставаться ему. «Пусть снятся ему бабки и маслины!» — писал Александр Антону в письме, когда оба жили уже разрозно, и отец гостил то у одного, то у другого из них, донимая их наставлениями, а они только добродушно посмеивались, да старались оградить мать от отцовского депотизма. Естественно, что когда Антон стал «самым богатым», — его так и называли в шутку «богатый брат», — то отец окончательно переехал к нему.

Было что-то необычайно прочное, нерушимое, в этой семье, — оно корнями уходило в ее крестьянско-купеческое происхождение. Чехов не представлял себе жизни без матери, отца, сестры; Александр, обзаведшийся собственной семьей и губивший жизнь вином, менявший женщин, до конца своих дней был связан со своими родителями, братьями и сестрой. Мать и отец ездил за Антоном по всей России, вряд ли сознавая, чем именно он занимается и чем знаменит. Евгения Яковлевна была почти безграмотна, а Павел Егорович давно научился читать. Живя в имении своего сына, за несколько лет до своей смерти, числясь уже окончательно «на покое», он, однако, вел дневник.

«2 июня, (писал он в этом дневнике). Клара Ивановна приехала.

3 июня. Клара Ивановна уехала.

4 июня. Сколь тягостен труд земледельца!

5 июня. Пиона расцвела.

6 июня. Елки перед окнами Антоши срублены».

Один брат, талантливый художник Николай, был уже мертв. Другой, Иван, сельский учитель, был меньше связан с семьей. Но Михаил и Мария Павловна, младшие дети, наследовали от старших братьев эту приверженность к своему гнезду. Тяжелое детство было забыто в благополучии, в котором они пребывали теперь, благодаря работе Антона Павловича в «Новом Времени», и даже самое неприятное, что было и прошло, вспоминалось им, как курьез, благодаря добродушию их и сильной, природной любви к родителям. Редко прорывалось то тяжелое, что на дне памяти продолжало жить и тайным образом все же какой-то черной тенью легло на жизнь «молодого поколения». В одном из своих писем к Щеглову-Леонтьеву Чехов писал:

«Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание, — с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольчике. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно

(Окончание на седьмой странице)

СЕМЕЙСТВО ПАВЛА ЕГОРОВИЧА

(Начало на 2 странице)

представляется мне довольно мрачным: религии у меня теперь нет. Знаете, когда бывало я и два мои брата сreiten церкви пели трио «Да исправится» или же «Архангельский глас», на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками». Еще печальнее вспоминает свое детство старший брат, Александр Павлович:

«Возьми на себя труд проследить мою жизнь. Что она дала мне? До 20 лет порка, замки, лавка, прогулка в казенном саду...». И Михаил Павлович говорит то же: все было страшно, наводило тоску, пугало, подавляло.

Но шаг был сделан такой широкий от мальчика, служившего в колонияльной лавке Байдакова, до большого писателя, за какие нибудь сорок лет сын так далеко ушел от отца, что не мог считать его за равного — не мог ни сердиться на него, ни уговаривать его в чем либо, ни спорить с ним. Он предоставил ему спокойно доживать свой век, и присутствие его было Чехову всегда приятно: это был его отец, пусть полуграмотный, пусть иногда несносный, пусть — по прежним воспитанием — мучитель и враг, но это был родитель, которого веками почитали его мужицкие предки, и которого не мог не почитать он, ничего не оставивший в себе мужицкого, пе-

реродившийся из купеческого сына в интеллигента, горожанина, ставший даже наружностью своей типом русского «культурного человека» конца прошлого века, с бородкой и пенсне. И если перечисть воспоминания, переписку, документы, относящиеся к чеховскому семейству, к Александру и Михаилу Павловичам, к еще живой сейчас Марии Павловне, то станет ясно, что это сыновнее чувство, которое было у всех них к мамаше Евгении Яковлевне и «Палыгоричу», как его называли в семье, оказалось самым крепким из всех чувств, унаследованных детьми Чеховыми от своих крепостных предков.

Н. Берберова.